

ПОСЛѢДНЯЯ ИЗВѢСТІЯ

№ 236 (673).

Ревель. Четвергъ, 12 октября 1922 г.

III годъ изданія.

ТЕАТРЪ.

Русскій театръ — „Дядя Ваня“.

Когда-то Чеховъ вызывалъ слезы, захватывалъ и сжималъ душу. Теперь онъ трогаетъ и проникаетъ, какъ символъ.

И если была эпоха, когда мы видѣли въ „Дядѣ Ванѣ“ воплощеніе нашей плоской, неулыбчатой жизни, и Иванъ Петровичъ Войницкій и докторъ Астровъ, и Соня, и Елена, и профессоръ Серебряковъ были для насъ родными и близкими, потому что въ нихъ мы чувствовали себя, нашу дѣйствительность, то сейчасъ рѣчи, положенія, поступки и психологія этихъ сросшихся съ нами лицъ отзываются и какъ боль воспоминаній, и какъ символика нашего настоящего, вплоть до щемящаго попречаема аккорда: „мы отдохнемъ...“

Вотъ почему его „Дядя Ваня“ смотрится съ такимъ чуткимъ воспріятіемъ. Тѣмъ болѣе, когда пьеса идетъ въ должныхъ тонахъ, съ любовнымъ и дорогимъ отношеніемъ къ ней артистовъ, что можно констатировать по отчетному спектаклю.

Правда, были шероховатости и въ постановкѣ (внутренней и вѣншей), и въ согласованности игры отдѣльных персонажей, какъ, на примѣръ, рѣзкость облика Елены, нарушающая впечатлѣніе своей повторностью задняго плана съ окномъ и рѣжущими глазъ коричневыми колоннами (слѣдовало бы уже поставить хотя бѣлыя) декорація третьяго акта, слишкомъ подчеркнута дѣланный тонъ Серебрякова (во второмъ дѣйствіи), нѣкоторая поза у Астрова и даже у дяди Вани, но, въ общемъ, чеховскій спектакль оставилъ серьезное чувство художественнаго удовлетворенія.

Безусловно хорошій дядя Ваня А. Н. Лаврентьевъ, если вполнѣ согласился съ его мягкостью красокъ даже въ моменты надрыва, какъ, на примѣръ, переходъ отъ аффекта съ револьверомъ (въ финалѣ третьяго дѣйствія) къ безсильнымъ, почти истеричнымъ (въ силу всей его психологіи и нервной организаціи) рыданіямъ.

Г. Г. Рахматовъ — вѣрный и яркій Астровъ, котораго, можетъ быть, чуть слѣдовало бы сгладить въ картинности жеста и немного досадной декламационности. Безукоризненъ былъ въ третьемъ актѣ А. Н. Гриневъ — профессоръ Серебряковъ. А. Н. Кусковскій повторилъ въ Телѣгинѣ образъ, данный имъ въ „Профессорѣ Стороцкѣ“. Западающій обликъ Сони дала г-жа Павлова. Играла очень тепло, естественно и въ мѣру сдержанно. Л. Лучининъ.